

Кетрин
Рокс

И Саркий

НОВЫЙ ГОД

с боссом

Кетрин Фокс

Жаркий Новый год с боссом

<https://litres.ru/74242913>

Аннотация

Новый год на носу, а я задержалась на работе, до ночи. Наедине с боссом, который смотрит на меня так, будто хочет съесть...

Пытаюсь уйти, но он не отпускает, уложив меня на стол... мне становится очень жарко...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	15
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глава 1

Новогодний корпоратив, 31 декабря. В офисе вовсю намечалась атмосфера праздника: шампанское пенилось в хрустальных бокалах, мандарины благоухали на фуршетных столах, смех и оживлённые разговоры наполняли помещение. Гирлянды мерцали тёплым светом, где-то играла лёгкая джазовая музыка, а в воздухе витал запах хвои от небольшой ёлки в углу.

Но мне всё равно. Вместо того чтобы присоединиться к общему веселью, я сижу за своим рабочим местом, погружённая в рутину. Заполняю документы, которые скопились за последние дни — отчёты, накладные, служебные записки. Пальцы чуть ли не автоматически перебирают бумаги, ручка скользит по строчкам.

Мне хочется произвести впечатление на начальство, показать, что я способна справляться с любыми задачами. Ведь я всего лишь две недели как стала секретаршей, и каждый мой шаг — это попытка доказать свою ценность. Доказать, что меня взяли не просто так, что я достойна этого места.

Часы неумолимо тикают на стене напротив. Я бросаю на них короткий взгляд — снова. Время словно замедляется, растягивается, как жевательная резинка. И я не замечаю, как стрелки на часах переваливают за шесть вечера. Рабочий день давно закончился, коллеги один за другим покидают

офис, смеясь и обмениваясь пожеланиями счастливого Нового года. Но я не могу заставить себя уйти.

Мысль о том, чтобы оказаться дома, одной, кажется невыносимой. Там меня ждёт пустая квартира, одинокий ужин перед телевизором и бесконечная лента соцсетей, где все делятся фотографиями с праздничных вечеринок. Здесь, за работой, я хотя бы чувствую себя нужной.

Внезапно я слышу цоканье каблучков — резкое, чёткое, будто отсчитывающее чьи-то нервные шаги. Вздрагиваю от неожиданности. Шаги становятся всё ближе, эхом отдаваясь в опустевшем коридоре. Кто это? Замираю, затаив дыхание, пытаюсь предугадать.

Это была девушка Максима Андреевича, моего начальника. Она вошла в кабинет без стука — я даже не успела возразить. Дверь осталась открытой, и я не могла отвести глаз от сцены, которая разворачивалась передо мной.

Она швырнула на стол маленькую бархатную коробочку — похоже, с ювелирными изделиями — и воскликнула пронзительно:

— Что это?!

Максим Андреевич поднял глаза от ноутбука. Его лицо оставалось абсолютно спокойным, почти безразличным.

— Это серьги, которые ты просила, — ответил он ровным голосом. — Что не так?

— Я просила серьги под цвет моих глаз, а ты выбрал слишком тёмные! — её голос зазвенел от возмущения. — Неуже-

ли так сложно было подобрать? Как я теперь их надену? И где кольцо? Я ведь просила! Уже начала звать друзей на свадьбу!

Мужчина смотрит на неё с усмешкой, будто обдумывая что-то важное. Затем встаёт и направляется к окну. Его движения резкие, почти механические, в них чувствуется сдерживаемое раздражение. Он открывает окно, и в комнату врывается свежий ветер, принося с собой прохладу и запах мороза, смешанный с лёгким ароматом хвои.

Максим Андреевич берёт в руки коробочку с украшением. Она кажется крошечной в его крупных руках, но он даже не смотрит на неё. Вместо этого он швыряет коробку далеко в сторону, и она исчезает за окном, растворяясь в вечерних сумерках.

Блондинка открывает рот, словно рыба, выброшенная на берег. Её глаза широко распахнуты, а лицо заливают красками — сначала багровая от ярости, потом бледнеет, выдавая шок. Она не может поверить своим глазам.

— Ты... Ты идиот?! — кричит она, её голос дрожит от ярости. — Они же почти поляма стоят!

Но её крик тонет в тишине. Максим Андреевич подходит к ней быстрым шагом. Он возвышается над ней, смотрит сверху вниз, и его взгляд тяжёлый, холодный, почти ледяной.

— Пошла вон, — говорит он тихо, почти шёпотом, но в его голосе звучит такая угроза, что девушка невольно отступает назад, делает шаг к двери. — Достала ты меня уже сво-

ими истериками. Свадьбу ты сама себе выдумала. Чтобы я тебя больше не видел, поняла?

Глава 2

Он делает долгую, почти театральную паузу, словно нарочито растягивая момент — давая ей возможность в полной мере осознать тяжесть прозвучавших обвинений. Воздух между ними будто сгущается, становится плотным и колючим, наполненным невысказанными упрёками и давней обидой.

Блондинка молчит, и это молчание кажется ещё более красноречивым, чем любые слова. Её лицо искажено сложной смесью эмоций: в глазах сверкает неприкрытый гнев, но в уголках рта дрожит едва заметная складка отчаяния, выдающая внутреннюю борьбу. Она пытается сохранить самообладание, но пальцы непроизвольно сжимаются в кулаки, а дыхание становится прерывистым.

— Думаешь, я не знаю, что ты с Вадимом роман крутить пыталась? — продолжает Максим Андреевич, и его голос, до этого сдержанный, теперь становится жёстче, приобретает стальные нотки. Он делает шаг вперёд, нависая над ней, и в этом жесте читается недвусмысленная угроза. — А он мне всё рассказал, до мельчайших подробностей, как ты к нему клеилась, какие глазки строила, какие намёки бросала. Проваливай, по-хорошему, пока я ещё добрый. И, чтобы ты знала, это был прощальный подарок — считай, что я проявил милосердие.

Его слова звучат как удар хлыста — резкие, хлесткие, оставляющие невидимые, но болезненные следы. Каждое слово падает в тишину комнаты с тяжёлым стуком, от которого у девушки перехватывает дыхание.

Она пытается изобразить удивление — вскидывает брови, приоткрывает рот, но получается это у неё неубедительно, наигранно. Лицо остаётся непроницаемым, словно маска, но в глубине глаз мелькает тень растерянности, которую она тщетно пытается скрыть. Внутри неё бушует вихрь противоречивых чувств: стыд, злость, обида и — где-то глубоко — страх перед тем, что будет дальше.

— Я бы заплакала, — говорит она, повышая голос до пронзительной ноты, — но у меня слишком дорогой макияж, чтобы его портить слезами. Я старалась для тебя, понимаешь? Тратила время, подбирала наряды, продумывала каждый жест — всё ради тебя!

Её слова звучат фальшиво, натянуто, будто она репетировала эту реплику заранее, но сейчас не может вжиться в роль. Тон становится раздражённым, почти истеричным, а в голосе проскальзывают дрожащие нотки, выдающие её истинное состояние. Она отступает на шаг, инстинктивно увеличивая дистанцию между ними, и на мгновение опускает взгляд, прежде чем снова вскинуть подбородок с вызывающим видом.

Мой босс отвечает ей спокойно, почти бесстрастно — но в этой сдержанности чувствуется не мягкость, а холодная,

закалённая сталь, от которой по спине невольно пробегают дрожь.

— Ни хрена, — произносит он ровным, почти монотонным голосом, но каждое слово звучит как удар молота. — Ты собиралась встречать Новый год с подругами в клубе. И заметь, без меня. В самый важный вечер года, когда люди собираются с теми, кто им дорог. Ты можешь сколько угодно строить из себя невинную овечку, хлопать ресницами и лепетать что-то про «недопонимание» — я знаю правду. Любая деревенщина с автобусной остановки будет честнее тебя. А ты... просто бессердечная сучка.

Его слова повисают в воздухе, словно ядовитые испарения. В комнате становится тихо — настолько тихо, что слышно, как тикают часы на стене и как прерывисто дышит женщина напротив.

Её лицо мгновенно искажается от гнева. Щеки вспыхивают алым, губы сжимаются в тонкую линию, а пальцы непроизвольно впиваются в сумочку, которую она держит в руках. Не говоря больше ни слова, она резко разворачивается на высоких каблуках — те звонко стучат по паркету — и делает несколько быстрых шагов к двери. Но на полпути замирает, будто что-то вспомнив. Медленно оборачивается, бросает на меня злобный взгляд, полный неприкрытой ненависти.

— Овца! — выпаливает она, гневно сверкая глазами. Её голос сочится ядом, пропитан годами затаённой неприязни. — Никогда не любила секретуток! Думаешь, я не вижу, как

ты вокруг него вьёшься? Специально платье такое напялила, да? Чтобы мой муж тебя трахнул? Знай: платье твоё — полная безвкусица! Безвкусное, дешёвое, кричащее — как и ты сама!

Она выплёвывает эти слова с такой яростью, что кажется, будто воздух вокруг неё дрожит. Её грудь тяжело вздымается, руки дрожат, а лицо искажено такой неприкрытой злобой, что становится по-настоящему страшно.

И в этот момент её гнев выплёскивается в буквальном смысле. Не успев договорить, она резко поворачивается к столу, хватая чашку с ещё дымящимся кофе — ту самую, что стояла рядом с вазой конфет — и с силой швыряет в мою сторону.

Горячая жидкость с громким плеском ударяется о ткань платья, растекаясь тёмными пятнами по светлой материи. Я чувствую резкий обжигающий жар, инстинктивно отшатываюсь, но уже поздно — кофе успел пропитать ткань, оставив мокрые следы на юбке и блузке. Капли разлетаются вокруг, пачкая туфли и пол.

Я застываю на месте, не в силах пошевелиться. В голове мелькает только одна мысль: «Блин, я-то тут при чём?!»

Она уходит, демонстративно покачивая бёдрами, явно довольная собой — словно только что одержала какую-то важную победу. Её каблуки звонко цокают по полу, отдаваясь эхом в опустевшем офисе, а за ней остаётся шлейф терпких духов и ощущение какой-то мерзкой несправедливости.

Нет слов... Я же ничего не сделала! Просто стояла и слушала, как на меня выливают ушат грязи, будто я в чём-то виновата. Руки дрожат, на платье — уродливые тёмные пятна от кофе, которые уже начали подсыхать, оставляя жёсткие корки на ткани. Внутри всё кипит от обиды и растерянности. почему именно я стала мишенью её ярости?

В этот момент ко мне подходит босс. Его шаги тихие, почти неслышные на ковролине, но я чувствую его присутствие ещё до того, как он оказывается рядом. Он останавливается в паре шагов, внимательно осматривает меня с головы до ног — взгляд скользит по испорченному платью, задерживается на моём лице. Затем он вопросительно приподнимает бровь, и в этом жесте читается не упрёк, а скорее искреннее недоумение.

— Прости, ты тут ни при чём, не обращай на неё внимания, — говорит он ровным, спокойным голосом, в котором слышится нотка искреннего сожаления. — Платье испорчено, мне очень жаль. Я компенсирую, разумеется, — произносит он, склонив голову набок, словно мысленно прикидывает сумму или обдумывает, где найти замену.

— Подожди, а ты чего тут делаешь? — добавляю я, пытаясь перевести разговор. — Рабочий день закончился уже пару часов назад.

Поднимаю глаза, чувствуя, как щёки заливают лёгкий румянец — то ли от смущения, то ли от того, что всё это слишком странно. Слова застревают в горле, комкаются, и я отве-

чаю тихо, едва слышно, почти шёпотом:

— Не знаю... Просто домой не хочется, а вы?

Босс улыбается — лёгкая, почти незаметная улыбка трогает уголки губ, но его взгляд остаётся серьёзным, внимательным, будто он пытается прочесть что-то между строк. Он медленно обводит взглядом пустой офис: ряды столов с выключенными мониторами, тёмные окна, за которыми уже сгущаются сумерки, одинокий цветок на подоконнике. Создаётся ощущение, что он проверяет, действительно ли мы здесь одни.

— А я трудоголик, как и ты, — говорит он, машинально поправляя галстук. — Похоже, мы в офисе остались одни. Все уже давно разошлись, даже охрана, кажется, ушла на обход.

Киваю, чувствуя, как напряжение между нами становится почти осязаемым — оно висит в воздухе, как статическое электричество перед грозой. В офисе тихо, только тиканье настенных часов да далёкий гул вентиляции нарушают эту тишину.

— Наверное... — шепчу, отводя взгляд и нервно теребя край испорченного платья. Ткань липнет к коже, и это раздражает ещё сильнее.

Босс смотрит на меня, и в его глазах мелькает что-то странное — не то задумчивость, не то интерес. Он почёсывает подбородок, и я замечаю, как его взгляд становится более пристальным, изучающим, будто он впервые видит

меня по-настоящему. Пауза затягивается, становится почти неловкой.

— Неплохой подарочек, — наконец произносит он, слегка кивнув, и разворачивается, направляясь в свой кабинет. Его шаги отдаются глухим эхом, а дверь за ним тихо щёлкает замком.

О чём это он? Какой ещё подарок?

Глава 3

Не проходит и пяти минут, как из динамика внутренней связи раздаётся короткий сигнал, а следом — спокойный, но властный голос босса: «Зайдите ко мне, пожалуйста».

Снимаю туфли, которые уже давно казались мне жутко неудобными — узкие носки натирали пальцы, а каблуки будто нарочно впивались в свод стопы всякий раз, когда я делала шаг. Они стояли под столом, терпеливо дожидаясь момента, когда я наконец решусь дать ногам передышку. Теперь же я поспешно сую ноги в эту мучительную обувь и почти бегу по коридору, перебирая в голове все возможные причины вызова.

Что ему нужно? Где же я допустила ошибку? Может, вчерашний отчёт? Или тот договор, который я проверяла допоздна? В голове крутятся десятки вариантов, и каждый кажется всё более катастрофичным. Ладони слегка потеют, а дыхание учащается — будто я не в офисном здании на 12-м этаже, а на краю обрыва.

Прохожу в кабинет и замираю на пороге. В помещении тихо, полумрак разбавляет лишь мягкий свет настольной лампы, отбрасывающей тёплые блики на тёмное дерево стола. Максима Андреевича нигде не видно. Странно... Взгляд скользит по знакомому интерьеру: книжные полки с папками и справочниками, карта мира на стене, кожаный диван у

окна, на котором иногда дремлет босс после особенно тяжёлых совещаний.

— Максим Андреевич? — осторожно спрашиваю я, делая пару шагов вперёд. Голос звучит чуть тише, чем обычно, будто боится нарушить эту странную, напряжённую тишину.

— Да, я здесь, — раздаётся вдруг прямо позади меня, и я вздрагиваю от неожиданности, невольно оборачиваясь.

Он стоит совсем близко — так близко, что я чувствую едва уловимый аромат его одеколона: древесные ноты с лёгкой цитрусовой свежестью. Его взгляд не просто смотрит — он пронизывает насквозь, словно сканирует каждую мысль, каждую эмоцию. В глазах — что-то хищное, почти первобытное.

Медленно, но верно он приближается ко мне. Я инстинктивно отступаю назад, пока не упрусь спиной в край стола — тот самый, за которым часами корпела над документами, стараясь произвести впечатление.

— Вы... Вы что-то хотели? — спрашиваю я, и тут же ой-каю, почувствовав, как жёсткий угол столешницы впивается в поясницу.

— Да, хотел... Тебя, — произносит он низким, бархатным голосом, от которого по спине пробегает холодок.

Его рука невесомо касается моего запястья — сначала едва ощутимо, почти ласково, а затем скользит выше, вдоль предплечья, к плечу. Движения неторопливые, выверенные, как у хищника, который знает, что добыча уже в его власти.

Пальцы задевают тонкую бретельку платья и медленно, мучительно медленно, спускают её с плеча. Ткань чуть слышно шуршит, соскальзывая вниз.

В этот момент время словно останавливается. Мир вокруг теряет чёткость — размываются очертания мебели, тускнеет свет лампы, растворяются привычные звуки офиса. Остаёмся только мы двое и это странное, пугающее притяжение.

Я чувствую, как по коже пробегает волна мурашек, а сердце начинает биться чаще — то ли от страха, то ли от чего-то ещё, чего я пока не готова назвать. Дыхание сбивается, в горле пересыхает. В его глазах читается сложная смесь: желание, да, но ещё и власть, осознание собственной силы, игра с чужой уязвимостью. Он словно изучает мою реакцию, ждёт, что будет дальше.

Воздух между нами становится густым, почти осязаемым — как перед грозой, когда первые капли вот-вот упадут на землю. Я застываю, не зная, что сказать, что сделать, как отреагировать на этот неожиданный поворот.

Я инстинктивно отпрянула, пытаюсь отстраниться от него, вжаться в край стола, который теперь казался единственным островком безопасности в этом странном, пугающем моменте. Но он, казалось, не замечал — или просто игнорировал — моего сопротивления. На его лице играла всё та же игривая, почти издевательская улыбка, будто происходящее было для него не более чем забавной игрой.

— В каком смысле? — спросила я, и сама тут же осознала,

насколько этот вопрос был неуместным и глупым в данной ситуации. Голос прозвучал тихо, дрогнул на последнем слогe, выдавая моё смятение.

— В самом прямом, дорогая, — протянул он низким, вкрадчивым голосом, от которого по спине пробежал неприятный холодок.

Он взял мою руку — крепко, но без грубости — и приложил её к ткани своих брюк в области бедра. Я почувствовала твёрдость его намерений, и мои щёки мгновенно залились краской — горячей, жгучей, будто кто-то плеснул кипятком. Отдёрнула руку так резко, что едва не потеряла равновесие, и это вызвало на его лице хищную улыбку — словно он только и ждал этой реакции, чтобы убедиться в своей власти надо мной.

Внезапно он схватил меня за ягодицы и резко притянул к себе. От неожиданности я вскрикнула — короткий, сдавленный звук вырвался из груди, прежде чем я успела его сдержать. Его руки начали скользить по моей спине — сначала медленно, почти ласково, затем всё более настойчиво, вызывая дрожь во всём теле. Пальцы впивались в ткань платья, будто пытались добраться до кожи, прощупать границы моего страха и растерянности.

Я попыталась вырваться — упёрлась руками в его грудь, дёрнулась в сторону, но он держал меня крепко, железной хваткой, прижимая к себе всё ближе, пока я не ощутила всем телом жёсткость его тела, тепло, исходящее от него, и стран-

ный, дурманящий запах одеколона, который раньше казался мне сдержанным и деловым, а теперь — подавляющим, удушьяющим.

— Ты моя, — прошептал он мне на ухо, и его дыхание обожгло кожу, оставив после себя липкий след тревоги.

Я закрыла глаза, пытаюсь собраться с мыслями, отделить реальность от кошмара, который вдруг стал явью. Сердце колотилось как бешеное — так сильно, что, казалось, вот-вот пробьёт рёбра. В висках стучала кровь, в ушах шумело, а в голове крутились обрывки фраз: «Это не со мной», «Сейчас я проснусь», «Что делать?». Я не знала, как реагировать на происходящее — кричать? умолять? сопротивляться до конца?

— Так и думал, что твоя задница такая упругая, — продолжил он, и голос его стал ещё ниже, грубее, утратив последние остатки той вкрадчивости. — Знаешь, я бы её поимел с удовольствием. Прямо здесь, прямо сейчас. Ты ведь не против, правда?

Его пальцы скользнули вдоль позвоночника, задержались на молнии платья, и я вздрогнула всем телом, чувствуя, как страх парализует волю. Воздух в кабинете вдруг стал густым, тяжёлым, почти ядовитым. Я открыла глаза, но вместо привычного офиса увидела лишь размытые очертания — стол, кресло, лампу, — всё потеряло чёткость, растворилось в тумане паники.

— Отпустите... — прошептала я, но голос прозвучал так

тихо, что я сама едва его слышала.

Он лишь усмехнулся, и эта усмешка, холодная и торжествующая, заставила меня похолодеть ещё сильнее.

Смотрю на него глазами, полными леденящего ужаса и недоумения, но не могу пошевелиться — тело словно парализовало, мышцы отказались подчиняться, а дыхание перехватило так, что лёгкие горели от нехватки воздуха. В висках стучало, в ушах стоял гул, будто где-то рядом ревел океан, а перед глазами всё плыло, размываясь в пугающую мозаику.

Его рука уже под моим платьем — тёплая, настойчивая, бесцеремонная. Отодвинув тонкую полоску трусиков, он начинает ласкать мой чувствительный бугорок, и это прикосновение, против воли, пронзает меня волной противоречивых ощущений. От неожиданности я резко прихожу в себя, вырываясь из оцепенения.

— Что вы себе позволяете?! — кричу я, вскакивая с места так резко, что стул с грохотом отлетает в сторону и ударяется о стену.

Оглядываюсь по сторонам, лихорадочно ища хоть какой-то выход, хоть какой-то шанс. Сердце колотится, как бешеное, отдаваясь в ушах глухими ударами. Бегу к двери, пальцы дрожат, когда я хватаюсь за ручку — дёргаю её на себя, но та не поддаётся.

— Все выходы заблокированы, и мы во всём здании одни. Никуда ты не убежишь, — раздаётся за спиной его низкий, уверенный голос.

От этих слов я на мгновение замираю, поворачиваюсь к мужчине — медленно, будто во сне. Его фигура в полумраке кабинета кажется огромной, подавляющей, а силуэт будто растворяется в тени, делая его ещё более угрожающим.

Он стоит, слегка расставив ноги, руки в карманах брюк, и смотрит на меня. Глаза сверкают зловещим блеском — в них нет ни капли сомнения, ни намёка на раскаяние. На губах играет мерзкая ухмылка, от которой по спине пробегает ледяной озноб.

— Вы... Вы... Вы не в себе! — кричу я, пятась к двери, хотя понимаю, что она заперта. — Не смейте меня трогать, или я вызову полицию!

— Попробуй, — отвечает он, склонив голову набок, и в его голосе сквозит откровенное издевательство. — Может, и дозвонишься... В чём очень сомневаюсь. А куда ты бежишь, зачем? Тебе ведь хочется, чтобы я тебя прямо на этом столе поймел во все твои дырочки, разве нет?

Каждое его слово — как удар ножом в сердце. Я чувствую, как внутри всё сжимается от ужаса, как подкашиваются ноги, а в горле встаёт ком, мешающий дышать. Понимаю, что он не шутит. Он говорит это всерьёз, с холодной уверенностью человека, привыкшего получать желаемое любой ценой.

— Нет! — кричу я, но голос срывается на хриплый шёпот, и в нём слышится не гнев, а отчаяние.

В этот момент он делает шаг ко мне — неторопливо, раз-

меренно, словно хищник, который знает: жертва уже не уйдёт. Ещё шаг — и ещё. Я отступаю, пока не упруюсь спиной в холодную стену. Пути к отступлению больше нет.

Поднимаю взгляд и вижу в его глазах только одно — дикую жажду удовлетворения, первобытную, неукротимую. В них нет ни намёка на человека — лишь слепая, безжалостная сила, готовая поглотить меня целиком.

Воздух в кабинете становится густым, почти осязаемым, пропитанным страхом и угрозой. Я глотаю воздух рваными глотками, пытаюсь найти хоть каплю смелости, хоть искру сопротивления. Но тело дрожит, а мысли путаются, разбегаясь, как испуганные мыши.

— Пожалуйста... — вырывается у меня почти шёпотом.
— Не надо...

Но он уже совсем близко. Слишком близко.

От этих слов меня бросает в жар, словно кто-то подбросил в кровь раскалённый металл — он растекается по венам, обжигает изнутри, заставляет кожу пылать, а ладони мгновенно покрываться липким потом. В висках стучит одна мысль: «Бежать! Немедленно бежать!» Осознав весь абсурд и ужас ситуации, я срываюсь с места так резко, будто за мной гонится сам дьявол — не просто бежит, а несётся, дыша огнём и смертью, готовый разорвать на части.

Бегу, куда глаза глядят, не разбирая дороги, лишь бы подальше от этого безумца, от его звериного взгляда, от голоса, пропитанного жестокостью и похотью. Коридор мелька-

ет перед глазами размытой полосой: серые стены, тусклые лампы, двери с табличками — всё сливается в одно пятно. Я спотыкаюсь о край ковра, едва не падаю, но каким-то чудом удерживаюсь на ногах и продолжаю бежать, задыхаясь, с хрипом втягивая воздух.

Каждая дверь, к которой я прикасаюсь, остаётся запертой, словно заколдованная. Дёргаю ручку — она не поддаётся. Бью по ней кулаком — безрезультатно. Толкаю плечом — та же история. Они не уступают моим отчаянным усилиям, как будто их закрыли на невидимые замки, специально созданные, чтобы удержать меня здесь, в этой ловушке. Дыхание сбивается, в боку колет, но я не останавливаюсь — перебегаю от одной двери к другой, лихорадочно проверяя каждую, будто в бреду.

Даже окно, кажется, смеётся надо мной. Подбегаю к нему, в отчаянии пытаюсь открыть — створка не двигается. Тогда, теряя остатки самообладания, бью кулаком по стеклу. Раз, другой — оно лишь гулко вибрирует, отражая моё искажённое лицо и безумные глаза. Бью сильнее, до боли в костяшках, пока пальцы не начинают кровоточить. Капли крови остаются на раме, а стекло по-прежнему цело — холодное, равнодушное, неуязвимое.

И вдруг, словно по волшебству, одна из дверей поддаётся. Я толкаю её с такой силой, что она чуть не срывается с петель, с громким стуком врезается в стену. За ней — тускло освещённое помещение с запахом остывших блюд и чистя-

щих средств. Это столовая, вход для персонала.

Я врываюсь внутрь и тут же прислоняюсь к прохладной стене, тяжело дыша, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце — оно бьётся так сильно, что, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди. Воздух кажется ледяным после безумного бега, он обжигает лёгкие, но не приносит облегчения. Дрожащими руками провожу по лицу, смахивая капли пота. Пальцы липкие — на них следы крови с разбитых костяшек.

Оглядываюсь по сторонам: пустые столы, стулья, перевёрнутый стул у мойки, ведро с шваброй в углу. Тишина. Ни души. Только моё прерывистое дыхание и стук сердца, отдающийся в ушах. Прижимаюсь затылком к стене, закрываю глаза на мгновение, пытаюсь собраться с мыслями. Руки всё ещё дрожат, колени подкашиваются, но я заставляю себя выпрямиться. Нужно что-то предпринять. Нужно найти выход. И на этот раз — настоящий.

Но вдруг я слышу шаги — размеренные, тяжёлые, отдающиеся глухим эхом в тишине опустевшего здания. Кто-то идёт. Сердце на мгновение замирает, словно пытаюсь спрятаться где-то в глубине груди, а потом начинает биться ещё быстрее — так сильно, что, кажется, его удары слышны на весь этаж. В висках пульсирует кровь, в ушах шумит, а ладони мгновенно становятся влажными.

Я инстинктивно оглядываюсь по сторонам, ища хоть какое-то укрытие. Взгляд цепляется за массивный стеллаж с посудой и кухонными принадлежностями — он стоит у сте-

ны, отбрасывая длинную, густую тень в полумраке столовой. Не раздумывая ни секунды, я метнусь туда и прячусь за ним, прижимаясь спиной к холодной металлической стойке. Стараюсь слиться с тенями, стать незаметной, раствориться в пространстве. Затаив дыхание, прислушиваюсь к каждому звуку, к малейшему шороху.

И тут, как по заказу, дверь медленно открывается, и в помещение входит Максим Андреевич. Он выглядит на удивление спокойным — слишком спокойным, и я знаю, что это лишь иллюзия, маска, за которой скрывается что-то гораздо более опасное. Его взгляд холодный, как сталь, пронизывающий, будто сканирующий каждый уголок комнаты. Губы сжаты в тонкую линию, а на лбу залегла глубокая морщина, выдающая напряжение. Он медленно идёт по проходу между стеллажами, чуть поворачивая голову из стороны в сторону, словно ищет что-то — или кого-то.

Я стараюсь не дышать, но каждый вздох кажется громче, чем раскат грома, каждый удар сердца — будто удар молота по наковальне. Пот стекает по виску, капли собираются на верхней губе, но я боюсь даже смахнуть их — любое движение может выдать меня. В голове мечутся мысли: «Только бы не заметил... Только бы прошёл мимо...»

Осторожно, почти бесшумно, я делаю несколько шагов вдоль стены, стараясь отодвинуться подальше от прохода. Но в этот момент моя рука случайно задевает кастрюлю, стоящую на краю полки. Она дрожит, качается, на мгновение за-

мирает — и с оглушительным грохотом падает на пол. Звук разносится по всей комнате, многократно отражаясь от стен, эхом отдаваясь в ушах, словно взрыв.

Я замираю, застываю на месте, не зная, что делать. Время будто останавливается, растягиваясь в бесконечность. Кастрюля ещё качается на полу, издавая тонкий, жалобный звон, который кажется невыносимо громким в наступившей тишине.

Максим Андреевич резко останавливается, его плечи напрягаются. Он медленно поворачивает голову в мою сторону, взгляд становится острым, цепким. Его глаза сужаются, в них вспыхивает холодный огонёк узнавания — и я понимаю, что он меня заметил. По спине пробегает ледяной озноб, пальцы непроизвольно сжимаются, а в горле встаёт ком. Он делает шаг ко мне, затем ещё один — неторопливо, уверенно, как хищник, который наконец выследил свою добычу.

— Выходи, — произносит он низким, ровным голосом, от которого по коже бегут мурашки. — Думаешь, я не догадаюсь, где ты прячешься?

Его слова звучат как приговор, и я осознаю, что спрятаться больше не получится.

Глава 4

Шаги его всё ближе — размеренные, тяжёлые, отдающиеся глухим эхом в тишине сто

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.